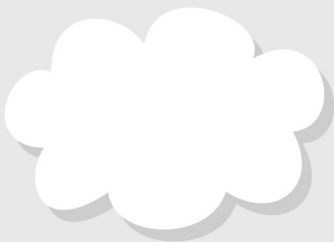

Горстка мыслей

Сборник рассказов с сайта www.nabroski.ru
Сентябрь–Октябрь 2005

Уши

Всех, кто не слушался, Иван Сергеевич дергал за уши. Один раз так дернул, что оторвал оба уха у Сергея Ивановича. Не специально, конечно. Специально он хотел у Марины Викторовны, но ее на работе не было. А Сергей Иванович сзади очень похож на Марину Викторовну. Вот и остался без ушей.

— Как же я, — говорит, — теперь без ушей-то, Иван Сергеевич?
И глазами-то так косит на Ивана Сергеевича, так косит, будто тот отчет годовой не выполнил. А Иван Сергеевич стоит полные руки ушей, да и не знает, что сказать. Да и что говорить — у Сергея Ивановича все равно ушей нет — не услышит.

А тут как раз Марина Викторовна входит, видит что Иван Сергеевич с ушами Сергея Ивановича стоит, да как вскрикнет:

— Ой, — вскрикнула, — что ж вы их не подогрели-то даже? Ну как же можно холодными-то?

И давай жарить-парить уши Сергея Ивановича.

— А давай не жарить-парить? - спросил меня Иван Сергеевич, когда я написал «И давай жарить-парить уши Сергея Ивановича».

— А что? — спрашиваю я тогда.

— Да давай на этом и закончим.

— Угу, — говорю, и попросил счет.

За окном кафе падал мартовский снег.

Гражданин, который потерялся во времени

Вчера мне рассказали страшную историю о том, как один гражданин потерялся во времени. А все началось с того, что у гражданина, назовем его Петром, в комнате стоял диван и стол со стулом. Чтобы узнать время, гражданин сел на диван и смотрел на часы, висящие на противоположной стене. Третьего дня, в половине пятого вечера гражданин вышел прогуляться на бульвар, забыв закрыть дверь в квартиру. А когда пришел, то обнаружил, что у часов украдены все цифры, а сами часы злоумышленники крутили на стене так, как крутят перед началом игры в жмурки «воду». Время было потеряно. Минутная стрелка указывала на стул, а часовая — на потолок. С тех пор гражданина никто не видел, а профессор Сумятин заверил, что товарищ совершил путешествие во времени, и очень вероятно, что в данный момент он, может быть, сидит где-нибудь в Италии и смотрит, как Микилянджело расписывает потолок.

Жара

В одном городе раз днем случилась жара. Да такая, что все вокруг чуть не плавилось. Так, например, обувь прохожих прилипала к асфальту. Все улицы были усеяны сандалиями, сапогами, ботинками и туфлями. Жители, потерявшие свою обувь, спешили скорее домой, чтобы не позориться. А когда наступил вечер и Земля перевернулась асфальтом вверх, то вся обувь разом начала отлипать, и падать в небо. Геннадия Павловичу, например, снизу упал сапог. Причем, что примечательно, прямо в подбородок.

Смерть поэта

На третье улице Труда жил Федор Алексеевич Вареников. Он работал в музее, получал зарплату раз в месяц и ни на что не жаловался. И все бы хорошо, если бы не то, что однажды Вареников умер. Об этом узнали проходившие мимо люди из агентства ритуальных услуг и поспешили в квартиру к Вареникову. Но, поднявшись на этаж, ошиблись дверью и зашли к соседу Вареникова. Сосед был поэтом-талантом, который спал на кушетке, блаженно открыв рот. Люди из агентства ритуальных услуг посчитали соседа Вареникова Варениковым и срочно унесли с собой в гробу.

Так закончилась жизнь великого поэта-таланта, героя нашего рассказа, Андрея Михайловича.

Зоопарк

В зоопарке загорелась огненная гиена. Прибывшие на место пожарные расчеты, таким образом, не только посетили зоопарк бесплатно, но и посмотрели на огненную гиену вживую и даже потушили ее. Основная версия следователей – поджог. Обитатели же соседних вольеров настаивают на самовозгорании. Родители лишней раз напоминают детям, что игры с огненной гиеной не игрушка.

Письмо счастья

Когда Иван Зиновьевич впервые получил это письмо ему было 37 лет. Он проигнорировал его и через неделю умер. Тогда письмо нашла соседка Ивана Зиновьевича Галина Игнатьевна и, переписав его, отправила своим родственникам по всей стране. Вскоре Галина Игнатьевна отравилась грибами, а ее родственники разом попали под трамвай. Письмо нашел дворник Аполлон и, не разобрав потчерка, отнес на почту. Вскоре умерла Анна Юрьевна. Эта переписка началась в 1930 году. Текст письма с тех пор ни разу не менялся. Все, что было написано в послание, так это просьба переслать его 10 своим знакомым, в противном случае никто не придет к Вам в гости в ближайшие 10 лет. Вы в игре. Дерзайте!

Спам

Не хотите заказать у нас хостинг? Тогда может быть целлофановую упаковку? А упаковку в целлофановую упаковку? Алебастр, нет? Шифер? Пояс «Супер-Слим»? Набор кастрюль? Тогда может быть стул? Посмотрите – очень комфортный стул! Нет? Присядьте! Кофе? Семечки? Вы еще не передумали насчет шифера? Я уже говорил, что при покупке хостинга Вы получаете набор для выпекания пасхальных куличей? У нас есть скидки! Тогда может быть Вам бабу? Взгляните – отменная баба! Вы голубой? Нет? И все таки как насчет целлофановой упаковки? О, я знаю, что нужно Вашему бизнесу! Вам нужен сайт! Не хотите ли сайт? А два? Как насчет юридических консультаций? Уроки английского? В берлин за 200 евро? Бухгалтерский учет? Шифер? Уже предлагал? Цемент? Песок? Обеды в офис? И все же подумайте насчет хостинга...

Ах, спам, как много ты открыл мне в этом мире...

Николай

Вот взять, к примеру, Николая. Давайте возьмем Николая за ногу. Так он никуда не убежит. Вот у нас есть Николай. Уже что-то. Лучше уж Николай, чем Ничего. Нет, пускай Ничего на нас не обижаются — они тоже весьма полезны, но наш Николай ведь отнюдь не Промах. Промах, привет! И вот мы взяли Николая за ногу, и что? Да, мы взяли его для примера, но какой пример подает нам Николай? Это пример человека, скованного в своих возможностях вышестоящей силой. Разве это хорошо? Давайте уж лучше отпустим Николая, потому что простой идущий по улице Восьмого Марта Николай уж явно лучше того, которого держат за ногу в Студенческом переулке.

Олимпиец

За окном бегут стометровку облака, и солнце выходом силы поднимается все выше и выше. Карл Александрович делает 20 отжиманий. По пути на кухню он два раза перекувыркивается, садится на шпагат один раз и, в конце концов, заходит на кухню гусиным шагом. Он берет самую большую и тяжелую сковородку, готовит на ней яичницу с толстым куском бекона от самой толстой свиньи. Тем временем облака преодолевают сто метров, а солнце уверенно держит равновесие.

— Го-о-товсь! — командует Карл Александрович в окно и идет в ванную комнату заниматься собственным туалетом. Он является оттуда неся на своей физиономии прекраснейшие завитые спиралями усы, в спортивном костюме, с белоснежной улыбкой. Он спускается на улицу, немного разминается и, выйдя на набережную, кричит: — Три, два, один, марш!

И тогда начинается соревнование Карла Александровича и облаков. Соперники несутся вниз по реке вплоть до моста, там разворачиваются и движутся обратно. Закончив забег, Карл Александрович повисает на турнике и делает подъем-переворот, соревнуясь с солнцем по количеству выполненных упражнений. Выигравший получает право светить в небе до конца дня. И вот Карл Александрович, с мускулистым станом и белоснежными зубами, освещает своей улыбкой город и прохожих. Дамы города прячут глаза, краснеют и стараются скрыться под зонтиками, а мужчины почтительно снимают шляпы, приговаривая: «Здравствуйте, Карл Александрович, Вы, как я вижу, опять выиграли. Что ж, поздравляю», и отправляются восвояси.

Я сижу в комнате за столом, а передо мной лежит чистый лист бумаги, ручка с чернилами и шариком внутри и горстка мыслей. Я беру немного мыслей в кулак, наклоняю голову и засыпаю тонкой струйкой себе в ухо, немного трясу головой и начинаю писать. Шарик в ручке крутится, чернила текут и на бумаге возникают слова, предложения и даже целые абзацы. Вот возник текст про то, как я сижу в комнате, а передо мной лежит чистый лист бумаги, ручка с чернилами и шариком внутри и горстка мыслей. Это очень простой текст, и в нем нет светлых убеждений, уверенности, надежд, любви и счастья. На столе осталась небольшая горстка, в ней, вероятно, все то, чего нет в моем тексте. Сейчас я возьму эти мысли, открою окно и отправлю по ветру. А если у кого-нибудь из прохожих после вдруг зачесется в ухе, то он наверняка подумает, что это к лучшему и будет прав.